

Александр Петрушкин

ТЕТРАДИ 2015 ГОДА

Александр Петрушкин

Тетради 2015 года

«Издательские решения»

Петрушкин А.

Тетради 2015 года / А. Петрушкин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-905485-2

Книга включает в себя все стихотворения Александра Петрушкина, записанные в 2015 году. Книга представляет собой часть поэтического проекта «Тетради», включающего в себя стихотворения, записанные с 2000 года по настоящий момент.

ISBN 978-5-44-905485-2

© Петрушкин А.
© Издательские решения

Содержание

«Вот радость слепнувших детей ...»	7
Asphyxia	8
«...или Воронеж, или алфавит ...»	9
«Природа, сделав хакакири...»	10
Сани	11
Чаадаев	12
«Первый выстрел пушки похож на блеск...»	13
«В полубреду болезни детской...»	14
Кержак	15
«Я пережил здесь смерть...»	17
«Окажется воздух кессонным...»	18
Пророк	19
Водомерка	20
«Щебечет чашка воробья...»	21
Геометрия побега	22
«Брутальна родина твоя...»	23
Куриный бог	24
Ключница	25
«Осень, состоящая из пауз...»	26
«Перевернутая песня...»	27
Grandparents Orationem	28
Ignotum Deum	29
«Опорожнив пузырь до половины...»	30
Георгий Иванов	31
Прощённое воскресенье	32
«Подробны льдина и пчела...»	33
«Что вспугнуло тебя, душа, будто такт словес...»	34
«Здравствуй, милый, милый дом ...»	35
Офелия как черновик	36
Iratiev House	37
«У дома, в который вернутся стрижи...»	38
«Под райским деревом земля обнажена...»	39
«Папиросный свет из трясогузки...»	40
Исеть	41
«Лучше всего на свете – вода...»	42
«Шары из пыли и угля...»	43
«Над преисподней – лёд, бумажный лёд...»	44
Ἐκτορασ Τυδυμε	46
«О символах любви и смерти...»	47
«Беспечный вечер, как последний...»	48
«Империя грачей в конвертах снега...»	49
«Небо запекает полёт шмеля ...»	50
Посвящение Челябинску	51
«Так свет обречен проливаться...»	52
«Пока прекрасный выдох...»	53
«В бессоннице лошади снится, что поле...»	54

«Слоенный мартовский пирог...»	55
Муму	56
Потрошение рыб	57
Наташе	58
«хлебников спит на руинах своих...»	59
«Мир [похожий на войну]...»	60
Laus Stultitiae	61
«Негры-голуби в трубу...»	62
«катая шарики погоды...»	63
«он несёт киноплёнку в своём лице...»	64
«Земля ещё кипит внутри себя...»	65
Голубь	66
«Предположим, что эта вода...»	67
Орфей	68
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Тетради 2015 года

Александр Петрушкин

© Александр Петрушкин, 2018

ISBN 978-5-4490-5485-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«Вот радость слепнувших детей ...»

Вот радость слепнувших детей —
что сорная трава на солнце
ещё упрятана в зерне
средой рыжеющих колосьев,

среди которых, нет, не я
но тоже медный и звенящий,
несёт в глубинах светляка
до самой тёмной и скользкой

своей же тени, что внутри
себя горит и, извиняясь,
не про меня, но говорит —
куску бумаги растворяясь,

как бы крошечная зола,
глядящая наверх в оконце,
чья радость слепоты не зла,
но лишь упрятана на солнце.

(15/01/15)

Asphyxia

Посмотрит выдох в воздух – словно в воду,
которая мертва, а не жива,
чья дребезжит древесная повозка,
что спрятана в сосне, и из тепла
её, как из утробы землянистой
скрипит ходулями под ранкой янтаря.

Рай встрепенётся, будто кто-то выжил,
и, балуясь весёлой анашой,
такое на его берёзках вышил
младенческой нетвёрдою рукой,
что выдох обратился снова в воздух
и только после стал густой рекой.

И медь качалась в тетиве у вдоха,
то в соловье, то у комков стрекоз,
на уголь кислый закрывая шёпот
невидимых и точных берегов
переходя парной, непарный чашек клёкот,
что оставались под воды дугой.

(19/01/15)

«...или Воронеж, или алфавит ...»

...или Воронеж, или алфавит —
возможно, что-то левое болит,
поёт в дрозде – как будто перевод —
летит с плеча о землю вертолёт.

Среди его порезов, лопастей
январь хоронит голоса гостей
на целлофан, как на лицо кладёт
горячую ладонь – вдруг оживёт

и полетит по ветру там, где речь
не успевала мертвецов сбечь —
один из них сегодня мне в окно
стучался ночью и стоял темно

в пятне январском, плакал и болел —
меня печатал или вслух жалел
или Воронеж, или алфавит —
как целлофан, где левое болит.

(26/01/15)

«Природа, сделав хакири...»

Природа, сделав хакири,
сентябрь вынет на четыре
не света стороны – тепла,
которое в себе несла.

И вот, как девочка, однажды
тридцатилетняя, из саж
внутриутробный свой несёт
непрекращающийся плод.

Над нею – птица и природа,
и нерестится в них свобода,
едва заденет провода
и спишь в четыре не утра.

И там тебе то дева снится,
то Вифлеемская ослица
и в лоб впечатаны звезда,
сирени тень – как холода.

(27/01/15)

Сани

Город предстанет невидимым. День ото дня
не ототрешь, но возможно припомнишь меня:
даже не контуры – шорох травы к сапогам
дымом приклеен, как выдох [к] холодным саням
тем, что пейзажи вокруг режут словно бы хлеб.
нет никого, ничего – кто щебечет в просвет,
в окно человека, когда вокруг падает лев,
сани скрипят и въезжают в натопленный хлев?

(28/01/2015)

Чаадаев

Предвестник рыбный появления чаек,
мальков сих возвращающих воде,
где крошево ржаное прорастает,
как осы у Протея в бороде,

почуешь кислород и эту тяжесть
от жестяного, словно смерть, ведра,
которое – в своем снегу пернатом —
за клёкотом куда-то жизнь несла.

Куда? – не видишь – Только едем, едем
среди чаек тонких, разводных мальков,
что изнутри следов звездой светят,
как радость, в тьму – сокрытых в них – подков.

Так едем, сумасшедший Чаадаев,
туда, где ангелы придумали нам кров:
свободы нет – поскольку угадаем
мы не предел, но утишение слов.

И по краям у тишины и чёрных чаек
сидит и греется такая темнота,
что если рот случайно размыкаешь
то светятся твои [уже] уста.

(01/02/15)

«Первый выстрел пушки похож на блеск...»

Первый выстрел пушки похож на блеск,
остальные на сажу, сгоревший лес,
нефтяные сказки и офис твой
и московский этот воловий вой.
На второй же выстрел – скажу тебе:
мы пришли сюда, чтоб сказать бе-бе
чтобы выжечь дом и себя дотла,
чтоб летела по ветру лишь зола.
А на третий – здесь пролетает ос
желтоглазая тьма – промолчав «готовьсь»
обрушает пушку вовнутрь себя.
остаётся глаз – и на свет дыра,
остаётся, как от юлы, лишь ось
широта, долгота – да и те поврозь,
блеск зубов у трупа посреди огня —
вот и всё, мой ангел, поцелуй меня.

(02/2015)

«В полубреду болезни детской...»

В полубреду болезни детской
и оспинах ночи дурной,
что в табунах на небо влезла
и там сияет глубиной

своей высокой, как держава,
мотая головой на сон —
нет, речь меня не удержала,
но выгнала на стужу вон —

в полубреду болезни детской —
и аутичной, и слепой —
как слог ребёнка неизвестна —
сгущает звук над головой

кобылей, что моё излечит,
косноязычие и с ним,
как выдох, холод покалечит
и – с бабочкою – отлетит.

(02/2015)

Кержак

Посеребренная речь местности нашей.
Кажется, нечисть обходит берег с ночью стражей
вся заодно, и тонкий пятак рублёвый
летает над ней, и латает свои оковы
речка, стоящая посередине кайфа —
типа сто первый спартанец – вот от такого драйва

я прихожу в себя и смотрю за небо,
тоску испытую по тем местам, где пока что не был
и вероятно не буду – поскольку хруста
снега кыштымского ангельского мне не хватает – пусто
в – брэнной там – речи, а смотришь в низы и тоскуешь
посеребренной речью, во тьмах пируешь.

Как в кирпиче кержацком надписи Белтшацара
берег стоит, где-то меж левых и правых
сырый с убогим – смотрят и ищут место,
но ошибутся – поскольку всегда здесь тесно
нам остается сплошной и в прорехах воздух,
спрятанный подо льдом, как завета лоскут.

Нечисть исчислена – шелест кошачий вздорный
в рукопожатье земли и воды утоплен,
взвешен, как третий рим и гудит в собачьем
лае, гоготе селезня в проруби и в чебачьем
немом открыванье зева, в Кроносе с анашою
вот и царапашь их порванною губою.

Сорвавшись с поклёвки, вставши один, без стаи,
ты понимаешь, что снег уже не растает,
не растворись небу, пока не порушишь ставни —
сколько бы нас не делили тени – Уран остаётся главным,
даже если уткнешься лбом, что в зелёнке, в грунт, и
зреешь в себе, как зренье, и гвоздь погнутый

гемоглобином своим раздражает почву,
и разрывает – как сотню лет – сухой ивы почку,
требует водных весов или снега стражу,
плавая, как чебак, через мглы и сажу
в посеребрённой трудной местности или
в том, что из огней неживых пошили

в ста километрах от ямы (читай – Челябин)
шубу волчью вросшую в плечи древесные, дабы
в чёрной долине буквы текли из снега —

словно нефть, покидающая человека —
в просфоре фотонов, гамма-лучей и света,
что плачет сквозь нас, как вероятность побега.

(02/02/2015)

«Я пережил здесь смерть...»

Я пережил здесь смерть
свою, как эта дева,
лежащая в садах,
касающихся чрева
всех насекомых божьих,
живущих у огня...

*О, родина, как смерть,
не покидай меня!*

(02/2015)

«Окажется воздух кессонным...»

Окажется воздух кессонным,
прошитым, как жабры стрижей,
сшивающих нашу природу
с разрывом, мерцающим в ней.

И, слушая наших качелей иголку,
на входе в золу, надеюсь,
что голос негромкий
свой вынесу, коль не спасу.

(07/02/2015)

Пророк

И в – кувшинов разбитых – чаду
маслянистом, как речь фарисея,
т.е. книжника, т.е. найду
то, к чему до-коснуться не смею

горлом. В страхе животном труда,
будто выдох с тревогой пожатый
в лабиринт – где не глина горит
яко ангел слепой. Из палаты

он несёт своё око в руке,
свой язык, что удвоен пустыней
коридорной – как будто бы свет
одиноким случился и – длинным.

Горловина сужается, я
оставляю тебе своё мясо
и смеркается тонкий народ,
говоря в животах у Миасса.

(08/02/15)

Водомерка

Евгению Туренко

Не будет прошлого – посмотришь и не будет —
как птаху непрозрачную нас сдует
сквозняк, иголка, что в слепой руке —
ты переходишь небо по реке.

И вдоль растут то люди, то не люди,
а отпечатки их на дне посуды,
их эхо ромбовидное – плыви
подсудный, утерявший любой вид.

Никто не вспомнит нас лет через двадцать —
так водомерка может оторваться
от отражения слепого своего
оставив лапки – только и всего.

(09/02/15)

«Щебечет чашка воробья...»

Щебечет чашка воробья,
кофейный дух в себе лелея,
где наша злая эмпирея
однажды выпилит меня,
и по дороге насыпной,
в нутре подводы Сугомака,
свезёт поленом на костёр,
в котором ты невиновата.
О, чашка воробья в окне,
ты в месте затрещишь, где был я,
не человеком, а скворцом —
пока отпиливали крылья.
Найдись, свобода или смерть,
в холодном чуде пробужденья
когда не глаз — а сна порез
ты носишь, будто воскресенье,
в расколоте своём лице,
во всём, что спрятано снаружи —
иди-свищи себя, как зверь,
запаянный в медь местной стужи.

(02/15)

Геометрия побега

Справа – бегун, разминувшийся с тенью —
стены свои попытался разбить,
будто метафора он перемены
школьной. Шмелей непроснувшихся нить
им развернулась, как хлада страница
или клубок – прочитаешь теперь? —
эти засосы (в смысле укусы),
где попытались они в егерей
сны пробурить ход – подземный и страшный
в смысле кручённый, как их слюна,
то полубог глину неба пропашет
над бегуном, получившим сполна.

Слева – то дочь, то – как видишь – Челябинск
вмятый в одышку, с уральских равнин
вынул резак и в щель ветра им машет,
чтобы пролился гемоглобин,
Тмин поднимается – слишком широкий
как из ТВ выпадающий снег —
ты попадаешь в его равнобокий —
и треугольный, как зрение, след.
И по тебе в свой Шумер переходят
слайды, которых возможно и нет,
псы (и сие разъяснений не стоит —
поскольку любой непонятен здесь свет).
Свет, что скрутился в воронку снаружи
всегда посторонен и взрывчат, опять
неподпоясанным он остаётся,
чтобы – как зренье из стужи – мерцать,
чтобы тобой прирастать понемногу
и, умножая через тебя
это пространство, в итоге стать богом,
что промелькнёт, жёлтым смехом скрепя
две половины – не лево и право
жизнь и свободу, которой чтят смерть,
но вероятные два из побегов:
один, что растёт сквозь второй, что наверх.

(10—11/02/15)

«Брутальна родина твоя...»

Брутальна родина твоя,
кото́рой ты насквозь проходишь
как через скважину вода —
то дышишь, то себя находишь.

И дым несётся, как чечен,
покра́в еще одну невесту —
так родина под небом спит,
в Отечестве своём столь тесном,

что кажется его надув
травой, мошкаррой – в руины
как шар за богом полетишь,
который ножик перочинный.

(02/15)

Куриный бог

Крысы бегут по монахам,
по берегу, по
краешкам бога, холмам
от которых останется о.

Даже не думал, что я
проживаю по горло в земле,
что поедает меня
ночь от ночи всё злей

слайды меняет,
куриные кости сосёт
слушая смертные крики
ночных соловьёв.

Выйдешь за холм
а вокруг лишь один горизонт,
словно ассоль или звук,
Арарат или зонт.

(02/15)

Ключница

Нож темноты вырежет из слепоты лицо —
праздник у электричества и выходной с яйцом.

Сможешь ли перемаяться? Выдержишь не просить
то, что тебе покажется нужным с любой тоски?

Ходит по миру ключница, в Лазарях сих скрипит —
лице с неё стекает по часовой, как нить,

как немота бликует или же врёт, как спирт
режет кору и кожи [те, что на свет – мои],

только в тени иные втянут её, как вдох
лёгкий, как на поминках, когда забивают гвоздь.

В лёгких, как свет, спит ключница, делая оборот
снова словарным и пишет слово на весь забор.

(03/02/2015)

«Осень, состоящая из пауз...»

Осень, состоящая из пауз,
множится, как дочери мои,
до сугробов и не задержаться,
ожидая жирной хвойной мглы.

И двоенье осени признавши,
наблюдая то, как снюсь я ей —
вижу время года забирает
поражение у своих детей.

(02/15)

«Перевернутая песня...»

Перевернутая песня
в отражении плывёт
с половинчатого света,
облетая чью-то плоть.

Плоть стоит, себя не зная,
и углом пужает ветвь,
что мерцает, будто ангел
говорит: за всё ответь.

И за мясо, и за стужу —
плоть стоит в своей тени
и текут кривые слёзы
по плечам её прямым.

(01/2015)

Grandparents Orationem

– 1-

Дочитать бы драму насекомой
этой своры, что – став колесом —
катится под горку от подводы,
как потоп с мертвящим языком.
А посмотришь в дождь – и там увидишь
жесть дождя из вдов моих торчит,
и звенит в нутре своём неровном,
изменяя в пепелище вид.

– 2-

Пока же я стою над бездной
из снега, поля, русской тьмы —
чьей бог – лицом нам неизвестный —
ещё касается кормы,
пока жую свой дым, хвораю,
и пью прекрасный алкоголь —
то слово в этом узнавая,
перерастая свою боль,
то, отравившись кислородом,
спешу расслышать, что во мгле
наждак, топор во всех пустотах
чиричат телу обо мне.

– 3-

А дотянешься до молитвы —
начнёшь учить
этот глас синичий,
которым увечен мир.

Встретится кто, как травма,
увенчанный сам собой —
быть бы плотью тебе —
виноват – другой.

(02/2015)

Ignotum Deum

Предположим, что шар, что разбился в твоей воробьиной
на божественный пар, что клубком покатился по длинной
траектории в нашей – почти что пархатой и устной —
то ли местности, то ли отсутствию оной, где гнусный
голос нас различить попытался, как будто окружность —
всё его отраженье, которое в стае проснулось.

Предположим, что Бог – это бог, это холм, это стая,
что меня лишь наошупь, щелчком многоклювным узнает —
так гора на подлёте, себя распустив в до-Евклида,
просыпается, как рождество исчезая из вида —
потому что воронка на плоскости мрака похожа,
на объём, что был Богом оставлен под зрением кожным,

на разбившийся шар шерстяной воробьиных щенков, кто из линий
мир вокруг, от случайного слова его, разорили —
вот и лижут сосцы каждой мамке своей виноватой,
в коридоре позёмки шурша, будто зрением, лапой —
так зрачок, истончившись до бедности неба, в речную
эту скорость идёт босиком – пока я пейзажи ворую

из округи короткой и лёгкой, спелёнутой в зрение птахи,
где живёт неизвестный ей холм, будто слово и шахты.

(17/02/2015)

«Опорожнив пузырь до половины...»

Опорожнив пузырь до половины,
пльвёт у дна прижатый, как свинец
водою к водке, тенью смятый, длинный,
пустой пескарь – похожий на рубец.

Его лицо [лиловое в июле]
дыхание [искусственно моё]
в себя вдохнёт, и с тем меня избудет,
и, словно смерть, со мною отплывёт.

(02/2015)

Георгий Иванов

На переломе дерева пророс —
как будто от экватора отчалил
на чайке, что плывёт песком в Бангкок —
на зрении своём, в чужой печали

читает вслух Бог наши имена,
планируя за щепкою, как выдох
и ловит соловьёв, кладёт в карман
огня — и взрезав горло — этот выход

вставляет в шрамы им — и жестяной
тягучий звук, на цып войны слетаясь,
всё пахнет розами, как тёплый перегной,
где женщина стоит, не раздеваясь.

(21/02/15)

Прощённое воскресенье

кусок из воздуха – что мной потерян был
скользит меж створок двух из тьмы и тьмы
то речь замолкнет то вновь прорастает
чтоб оставались мы

кусок из воздуха – возможно, что отчизна —
которой мы запаяны в живот
качается то парно то напрасно
всегда – наоборот

и если ты в него – сейчас заходишь
то чтоб себя – во всех нас – не простить
что б-г нам в этом белом оставляет? —
возможность пить

(02/2015)

«Подробны льдина и пчела...»

Подробны льдина и пчела,
как горечь ветки тополиной,
что гул внутри у фонаря,
что ток, в котором ты повинен,

Бегут и льдина, и печаль,
и ток речей сих лошадиных,
и извесь, что меня смела
в февраль которым я так длинен,

в котором [как рыбак] сто ватт
хрустят, свои перебирая
костяшки, если дым идет
в четыре стороны от края,

вдоль этой порванной пчелы
и чётной половины нашей,
где мы остатки колеи.
Замедленное небо пашут

подробно льдина и пчела —
февральские на дне укуса —
и чернозём жуёт мороз,
лишённый и лица, и вкуса.

«Что испугнуло тебя, душа, будто такт словес...»

Что испугнуло тебя, душа, будто такт словес
был нарушен и сбит? И – пока раздувался свист —
ты стояла внутри от себя, как снегирь и крест,
прорастая в тень и её некрасивый смысл
На твоём мяче скачут тьма и моё дитя,
проливая своё лицо, как слепое пятно на свет,
вероятно – то, что здесь не увижу я —
языка не стоит, и говорящего нет.
Что ж пугает тебя, так как землю страшит лишь грунт,
или воды – вода, или корни – растущий ствол? —
так фонтан в округность свою осмелел взглянуть
и рассыпался в корни, как на телят сих вол.
Что испугнуло тебя, дитя, где бродила ты,
как в садах зеркальных, и видела в них себя,
обличена пролитой быть на две стороны —
и любая из них тобой – словно смерть – полна.
Камень вечной жизни горит на руке меня,
а иных камней для тебя от меня здесь нет.
Вот расти, как палка в пустыне, среди огня
принимая в себя его холод – голодный свет.

(23/02/15)

«Здравствуй, милый, милый дом ...»

Здравствуй, милый, милый дом —
неужели мы умрём?
неужели всё увидим
с посторонних нам сторон?

Неужели, заходя,
Бог оставил нам не зря
зреющий [как сердцевина
яблока у сентября]

этот дом, своих детей,
предоставленных себе,
пересматривать картинки
в цапках спелых снегирей,

где сухие, как сосна,
ангелы стоят и «ма...»
извлекают, словно «мурку»
из лабальщика зима,

где прозрачна не вода,
но чужие голоса,
что лелеют нашу смертность —
хоть она не холоса

и [как хворост] тьму сверлит —
ту, которой говорит —
неприличный собеседник,
что в изнанке слов жужжит.

Здравствуй, милый-милый дом,
пробуй язвы языком,
ощущая, как из мяса
вызревает нежный ком.

В клине кошек и старух,
я стою [уже без рук]
обнимая ртом скользящим
старый, как мерцанье, звук.

(24/02/2015)

Офелия как черновик

Хрустящая Офелия над двойней
своей склонилась умереть, и хочет
не отражаться более в ребёнке
и в сумасшедшем, как мужчина. Впрочем,

есть у неё и поперечный выбор:
и вот уже сама бежит, не знает,
не то в грозу, которая с обрыва
сияет ей [как бы в начале мая],

не то в войну весь мир перелицует
и, мёртвых душ в лице не отыскав
воды, уже не бабочек фасует,
но для палаты в метров шесть [устан]

Хрустящая Офелия отступит
и [сквозь воронку] удаляя ночи
смотри теперь на этих ребятишек —
[один из них [раздвоенный] хохочет].

(25/02/2015)

Ipatiev House

Те руины, что ты собираешь в траншею сна —
словно шлепки воды по шее, дна
твоего достигают и, умножаясь до цифры – два
Бога стоят над тобой – как в диктофоне слова,
и олени глаза дождя скользят по
плоскому нереальному Мирабо.
а та женщина, девушка [милый младенец с лицом
открытки] вдруг оказалась пловцом,
и обернулась ловцом, силками для птиц,
что отрастили жабры, отплыли вниз
в руины свои, похожие на слова,
в которых – девочка [как инженер] права.
Эти права прибирает мир, что напиздел
такой базар, что проходит Мохаммед в дверь
в доме, где рядом Исеть и безвидный холм,
яблоко и руины царевен [зерном]
падают [как олени в нечёткий страх,
что отразился рыбой в чужих мостах].

(26/02/2015)

«У дома, в который вернутся стрижи...»

У дома, в который вернутся стрижи
ожить от любви и до страха,
лежим мы, товарищ – ты видишь? – лежим
как будто в окружности мрака,

что плотно ложится, как снег на живот
сползая на наши колени
растёт то, что позже станет землёй
в которую мы не поверим.

(02/15)

«Под райским деревом земля обнажена...»

Под райским деревом земля обнажена,
вода бежит невидимая или —
три мёртвых лебедя лежали под землёй —
гляди, гляди! – они уже ожили,
и вот – бегут прозрачные в метель
три лебедя три лошади три хляби,
и март [в глазах сухих совсем сухой]
простит меня – ни для чего ни ради
под райским деревом прозрачным [ни мертва]
вода кружит, как женщина и лебедь —
как яблоко и апельсин права,
смущенья и судьбы своей не стоит.
И женщина – невидима, как блядь,
прекрасна и обуглена от мужа,
и отражается у дерева в глазах,
как лошадь, что блестит как будто лужа.

(27/02/2015)

«Папиросный свет из трясогузки...»

Папиросный свет из трясогузки
и низинной крови водяной,
что во мне ты снова в дым попутал
под свою долгую губой?
На губе и на земле чайковской,
как чифир произрастая вновь,
просыпаюсь каждым тёмным утром,
засыпаю в белый пережной,
что меня звериными очами
плачет и выдавливает в свет
как пернатое [еще недо-созданье]
из одних особенных примет.
Я тебя в кармане убаюкал —
ты лежишь и тянешь из меня
утро не похожее на утро,
свет квадратный – русский, как словарь.

(01/03/15)

Исеть

как на рыжеющем и мужеском пиру
я эту чашу внове повторю —

как будто набирая из Исети
холодных уток что попали в сети

светающего снега языка
прохожего как будто с ИТК

он возвращается в спрессованный как ветер
Катеринбург и сломан свысока

его мотив что повторяют дети
когда вокруг его течёт река

и иссекает лики
в мокром свете

(02/03/15)

«Лучше всего на свете – вода...»

Лучше всего на свете – вода,
которая в солнце твоём растёт
дремучая как чернозём, когда
мы виноградом её идём —

без произвола уже колец
мясных, словно в шубы рядивших нас,
вода рассыпается под конец,
и смотрит снаружи из птичьих глаз.

Слезятся очи у них ещё,
трамвай их ревёт, но беззвучно. Им
вино и грунт подаёт – вода —
как рыбакам и ещё живым.

И, обретая форму куста,
свобода стоит в лепетанье сих
птенцов, что блуждают внутри живота,
который им не дано простить.

(03/03/15)

«Шары из пыли и угля...»

Шары из пыли и угля
летят в земле [как будто «бля»
нам произносит их отец
что надувает, как гонец
себя дорогой до конца]
плывут в миноге. Из кольца,
из хоровода их идёт
им избранный из тьмы народ.
А с ним весна. Представь! – весна,
что катится в шарах угля
и дворник Вася Карпузов
лежит лицом кисельным в пузо
кошачьих отпрысков земли,
в чей спелый фрукт
мы лечь смогли,
надув её живот неспелый...
Так шарик, что парит во тьме,
возможно, вспомнит обо мне

(04/03/15)

«Над преисподней – лёд, бумажный лёд...»

Над преисподней – лёд, бумажный лёд
хрустит и говорит ночь напролёт,
ночь напролёт – из всяческих затей,
растет из человеческих костей.
Всё слишком человеческое в аду —
что вероятно = я сюда сойду,
и лёд бумажный разгрызёт мой рот,
где конопля насквозь меня растёт.

Похоже слово наше – тоже ложь,
его не подобрать – попробуй шов
и кетгут, и крючки на вкус прожив,
ты попытаешься лёд этот перейти,
перерубить кайлом, хайлом, собой
и бабочкою с мёртвой головой,
ветеринаром на одной ноге
[с вороной и свободой в бороде].

Опишем всё исподнее как рай,
где кислород сочится через край
через замороженный в бумагу синий лёд
которым только кровь от нас плывёт,
подобно кровле, Питеру во тьме,
что с Китежем войну ведёт на дне
козлиный дом проходит через дым —
что сделаем мы с ним, таким живым?

Куда мы поведём свои стада,
которые, не ведая стыда,
растут в садах овечьих и летят
среди пархатых этих медвежат
на улицу по имени меня —
одну из версий белых тупика,
ложатся вдоль огня, в бумажный лёд,
ощупывая тень свою, как ход?

Стада идут здесь, голые стада,
в подмену рая, слова, в имена —
на их знамёнах белые скворцы,
и двери, что скрипят на тельце их,
возможны, как за дверью пустота
которая [как лёд] сомкнёт уста
бумажные, в которых смерть течёт
надёжна и густа – как донник в мёд.

Пусть пастухи моих живых костей
в ночи шумят, в резине тополей,
и льются сквозь пергамент твёрдый снов —
пока подложный рай мой не готов
пока хрустит над преисподней лёд
мой псоголовый, будто милый кров.
я буду здесь в своих родных садах,
где прячет дерево в самом себе тесак.

(03/15)

Гекторас Тудуме

Андрею Пермякову

В лодке фабрики усталой —
тает снег, шагает правой
вдоль по досточке рабочий
между ледяных отточий.

Перед ним, в лице синицы,
горит атом серебристый,
и сучит ногой дитя,
ожидая сентября.

А за лодкой ходит некто —
будто убиенный Гектор
наконец пришёл в Тыдым,
где конечно все сгорим.

Загорелой своей кожей
семафоря рыбаку,
нас олень из тьмы тревожит.
Из солёного Баку

в лодку фабрики, что тает,
широко шагает снег,
и идёт, как алкогольный,
ледяной, как человек.

(06/03/15)

«О символах любви и смерти...»

О символах любви и смерти
воспой нам, снежная дуга.
Ты – дура, потому и осень
цветущей оспой пролегла,

И потому, когда тебя я,
немая дура, обниму —
не лепечи со мной о смерти,
когда по ней я протяну

железную, как гроб, дорогу
[на ней вагончики поставь!] —
смотри, как едет тело к Богу
сквозь лес, похожий так на страх,

сквозь символы из шизанутых
и годных к новой строевой
живущих в доме серафимов
и херувимов на другой,

пересечённой [будто нет нас,
а только символы со дна
перерастают эту местность,
как ночь перерывает дня

колючую метель, где ёжик
с тобою дурковать летит,
и жалит, потому что может,
сосулек чёрные клыки,

что пахнут родиной, портвейном
и косяком, который смерть,
где хочется немного верить
и ненадолго умереть.

(03/2015)

«Беспечный вечер, как последний...»

Беспечный вечер, как последний,
идёт по следу и по краю,
щенком мелькая в щелях чашки,
которую я наблюдаю

здесь на столе, где я однажды
лежать с желтеющим лицом
пребуду, как воображала,
замкнув над осенью кольцо

из Пушкина и графомана,
из лошади и тройки пчёл —
как будто бы легла экрана
татуировка на плечо,

как будто смотришь новый эпос,
где я – холодный кинескоп
в непрекращающийся вечер,
который смотрит мне в лицо,

который облаком прикурен,
таскает души через дым,
в щенках, что оживут в отместку —
и в этом весь его мотив,

который горлом мокрым, вязким
озвучит тело на столе,
пока душа из спелой чашки
спешит осюю на плече.

(07/03/15)

«Империя грачей в конвертах снега...»

Империя грачей в конвертах снега
хохочет, умирая, как земля —
где рай похож на рай и одиноко
лежащий смех в парных спит калачах.
И одиноко дерево сквозь утро
растёт до ангела с фольгой в голове
и разбирает механизм, как чрево
что отразилось в разрывной воде
Пока докуришь эту папиросу —
роса початая поспеет отлететь
в свой напряженный и густой не отзвук,
но память, разрезающую смерть,
где сквозь порезы видишь, как гогочет
земля сквозь жабры жирные свои —
наверно отпустить меня не хочет,
краснея так, что птицы не видны.

(8/03/15)

«Небо запекает полёт шмеля ...»

Небо запекает полёт шмеля —
только успеешь вымолить «бля»,
ощутить ожог на плече неправом —
и вот уже справа полёт торчит,
как штопор, что в пробку воздуха вбит.

От такой прекрасной, как Бог, расправы —
остаётся четыре страницы лавы
и пустой – как посмертный человек – пашни
остальное, что в темноте, не страшно.

Испечёшь полёт, будто свой Воронеж,
и боится шмель, что его уронишь,
и слюной с малиной взорвётся грудь
у грачей, что воруют новый шанс уснуть.

Вот и весь ожог – насекомых право,
для дыханья ангелов сих оправа:
мандельштам мандельштаму – всегда воронеж
где – придумав плоть – из неё уходишь.

(9/03/15)

Посвящение Челябинску

Земли любовь раздвинула здесь ноги
пытается меня поцеловать,
объединить с тем Богом на пороге,
который задолбался меня ждать

в своём резном окошке, что не влезло
в понятие родины и всех её берёз,
в понятное земле сопротивление, и зло,
что – непременно и моё.

Разверзлась хлябь, Челяба с вкусом цинка,
с плотвою звезд в потьме пурги иной,
что отплывает где-то здесь, у цирка,
за полой и китайскою луной,

где я, пожалуй, жив ещё недолго,
хотя и охлаждён, как мясо, здесь
хотя и кожа, шитая упруго,
ползет и расползается под треск

идущего по льду, не по Миассу,
дышащего не воздухом – виной,
когда дождь исполняет водолаза —
роль, там, где спит пчелиный рой,

где снег, адресированный до жути,
несётся в псарню, будто в пьяный лес,
порвать их лай на колдырей, чтоб мутны
их очи были, и прекрасны, здесь,

где плакал пёс любой любого рода,
и чтобы, затекая в темный дождь,
в руке у пьяницы великая природа,
всё плавилась и плавилась на рот.

(10/03/15)

«Так свет обречен проливаться...»

Так свет обречен проливаться
на плавный, как женщина, снег
обрезанный по форзацу,
который слабал человек
[и, что вероятно, мужчина
который, наверно, любил
весь свет и его дармовщину
и это ответное свил
гнездовье стрекозам и осам,
которые в чёрных кустах,
обугленных по морозу,
лежат у мимозы в руках,
которые свет заслоняют,
как женщину в полрой руке,
и сами себя проливают,
как дождь отзеркаленный в снег].
Так ты, обречённый – на пару
с тоскою себя обрести —
стоишь на берегах насекомых
у женщины внятной реки.

(10/03/15)

«Пока прекрасный выдох...»

Пока прекрасный выдох
пренебрегает мной
и ангельский утырок
кружится, как пустой,

надутый Богом шарик,
в котором спят коты
и точатся царапки
в кругах сквозной воды,

и, испытывая нежность
несносную мою,
вдыхает меня небо,
как хвойную осу,

и ангельский утырок
скользит с той стороны,
и в водомерок точки
сплавляются коньки —

держи, держи нас, воздух
на нитке, как форель —
пока не станет поздно
нам пренебрегнуть ей.

(03/15)

«В бессоннице лошади снится, что поле...»

В бессоннице лошади снится, что поле
по краю свернулось, как старый палас,
трагедией ворон пасётся на воле,
[свободы чураясь] плывёт стилем брасс

по снам лошадиным, где веки деревьев
шипят от природы своей закипев,
и пар переходит пустырник налево,
сметая на свет удивлённую смерть,

что снегом летит над слоённой пирогой
природы, что здесь – под сугробом – лежит,
успев ощутить то, что Бог здесь потрогал
её и приял свой бессмысленный стыд.

В бессоннице лошади, в черепе Блока,
где ворон укрыл своей славы ключи,
где отрок лицом отражает отлогим
то женщину, то от полётов ручьи —

лежит это поле, как март под Челябиной,
по краю свернувшись у крови своей
[губой шевелит убогой, чебачьей] —
как будто не зная, что делает с ней.

(11/03/15)

«Слоенный мартовский пирог...»

Алексее Александрову

Слоенный мартовский пирог
прозрачный, как в деревне голод,
лежит дыханью поперёк —
где свет на зрение наколот —

окоченев внутри у рыб,
он здесь прохожий запоздавший.
Осенних птиц летят круги
из хора кабаков и пашни

в пирог дыхания, в овал
сиреневый, что твой Саратов
над в снег проваленной землёй —
что тоже будет виноватой.

И распрямляясь, как пескарь,
здесь встанет ангел придорожный,
чтобы бензин навзрыд листать
в снегах, теперь своих, подкожных.

(16/03/15)

Муму

Грядки обрастают чешуёй
птичьей – после зимней, жженой драчки.
приблудилась родина домой,
тычется, как пёс, своей собачьей

мордою – как ласточка кружит
у неё в лице ненастоящем
то ли пьянка, то ли чёрный стыд,
как младенчик голый и незрячий.

[Будто лошадь] Пушкин плачет здесь
и обходит Гадес, в тьме обходит:
то поднимет родину на вес,
то, как окуня, в гряде воды утопит,

где она русалочьим хвостом
подмигнёт из почвы, как из будки,
и затянет воздух узелком
в оспяной кадык у трясогузки.

(18/03/15)

Потрошение рыб

Рыбу потрошим ли сон ли
покитайский нам толкуют..
глухари или поэты
с водочкой своей токуют

посредине пепелища,
с букварём как буратины,
носятся [почти стрекозы]
на краях у драной льдины,

у ворованного края
по щелям, по водным порам,
смысл впотьмы не различая
и почти что не готовы

к потрохам нерыбным, к водке,
к лодке смертной у причала —
и на утро вряд ли вспомнят
что им чайка прокричала,

как их муза потрошила
в мойке кухонной под краном,
и лицо потом зашила,
чтобы внутрь смотрела рана,

чтобы этот покитайский
изучали и молчали,
чтобы водочка и воды
рваной чайкою кивали.

(19/03/15)

Наташе

Не глаза и не платье,
а только змея
развернулась пращой,
чтобы стать перевода

отраженьем, причиной —
когда соскользнули с тебя
простыня и простуда,
что тоже от Бога.

вот и ты вдоль скользишь,
серебрится твоя
[тьмы возможно] душа
и две груди над нею

и горит тёплый ангел
совсем не дыша
и надеется, что
это я не сумею.

И пространство, что мне
сочинило черты,
или время, что мной
замолчит над тобою,

смотрят, как у тебя —
чуть пониже пупка —
разделилась душа
увеличившись вдвое.

(20/03/2015)

«ХЛЕБНИКОВ СПИТ НА РУИНАХ СВОИХ...»

хлебников спит на руинах своих
светится куст [как вода] изнутри
и затихает несбывшийся ангел
прежде чем в горле печей догорит
этот упругий [не твой] какбысон
длится как ласточка то есть полёт
после её окончания – рот
у велимира растёт в будке кварца
можешь его не опасаться
это в пейзажи сии бутерброд

(21/03/2015)

«Мир [похожий на войну]...»

Мир [похожий на войну]
гложет пальчик, как печенье
и [во всё нипочему]
он растёт стихотвореньем.

Милый, скромный мальчик мой,
что лежит на потном блюде —
изо всех своих стрекоз
он глядит, как эти люди

[по весне набросив лик
гумилёвского жирафа]
вынимают из войны
то, что ей отдать не жалко.

И невинные её
собираются осколки
в небо с черною рекой,
в лёд что дышит в её топке,

в рыб, похожих на пшено,
в теплой женщины затылок
в жар, что капает смолой
где оса, как медь, застыла

в свой чужой Еманжелинск
как мужик ещё помятый —
по дороге идёт свист:
идиотом и не пятым

мир, похожий на войну
в саранче чужой бумаги
принимает на губу
красной жидкости из фляги

и – пьянея не от слёз —
кровоточит будто вишня
изнутри родных берёз
так, что мальчику не видно.

(22/03/15)

Laus Stultitiae

И запаяв, как вдохновенье,
свою осмысленную жуть —
март опадает с диафрагмой
туда, где вовсе не заснуть,

не отвертеться, и по фене
не оглупеть, как Бог велит,
и, что понятно, перемену
как ящерку не уловить.

Свою желтеющую кожу
мы наблюдаем будто в нас
собрал немислимый гербарий
весны – пустой пока – овал,

перебирает будто пальцем
он этот мертвенный альбом —
и говорит за жесть звенящим,
как лёд на ветках, языком.

И мы звеним ему ответно,
и, распадаясь в воробьёв,
пьём никотин и курим девок
холодным [с горло] словарём.

(23/03/15)

«Негры-голуби в трубу...»

Негры-голуби в трубу
завернут слепой свой блик —
и смолой через губу
проливают свет, как снайпер,
умножая нервный тик,
и гуляет ржавый пальчик
бога в их больной груди.
Как остаток от шекотки
спит их тёмный механизм,
и скрипят в них шестерёнки,
и гудят в них провода,
и – втыкая в них иголки —
рвётся небо их сюда.

(24/03/15)

«катая шарики погоды...»

катая шарики погоды
среди готической породы

небесный пёс дрожит как шкура
под ним стоит моя фигура

и вопросительней полиций
грач клювом рыщет себе лица

найдёт коль кожи – их сключёт
шахтёрский совершив здесь ход

перегорает мёртвых стол
и удлиняет водный ствол

в смоле готической природы
дыханию оставив соты

(25/03/15)

«ОН НЕСЁТ КИНОПЛЁНКУ В СВОЁМ ЛИЦЕ...»

он несёт киноплёнку в своём лице
удлиняется кадр, будто солнцестоянье
удлиняется тень на ещё один день
удивляется мир на одно окликанье

и снимая с меня этот гипсовый миф
он сминает стоп-кадры в густую тележку
и скользит мимо слайд изменяющий шрифт
словно был воскресенье

(30/03/15)

«Земля ещё кипит внутри себя...»

Земля ещё кипит внутри себя,
и мухи снега в животе её шуршат,

и изымаются наружу в пузырьках,
и обращаются, как хлорофилл, в утят

[точней в дыхание пернатое травы,
в котором мы с женой моей голы,

катаемся внутри у колеса
которое похоже на глаза,

кипение водоворота], но,
возможно, ровно все наоборот:

кипение, водоворот, глаза,
которые – похоже – колеса

качение внутрь нашей наготы,
которая взлетает из травы,

где утки обратились в хлорофилл,
и пузыри вовнутрь обращены,

в живот мушиный снега – от себя
внутри кипящая – лицом в золе земля.

(01/04/15)

Голубь

ножницы в гофрированном листе выдоха
режут карту, топографа, на двоих

«Предположим, что эта вода...»

Предположим, что эта вода
станет мокрой и жуткой,
как рождённый ребёнок,
который не хочет из тьмы
выходить в этот чёрный
столетний людской промежуток,
что возлёт словно ангел
среди всей своей пустоты.

Предположим, что эта вода
бегуном быть устанет
и, почти испарясь,
слепоту, как Гомер, изберёт,
в акушера воткнётся
размытыми оземь локтями
и сама по себе за собой
из себя, будто глас, истечёт.

И там станет солёною глиной,
холодной Россией,
и цветением полых садов,
что напомнят ей рай
и настанет цветение яблонь
и, что не просила
её тминная плоть,
заполнявшая небо по край.

(12/04/15)

Орфей

Орфей в котором женщина, в которой
растёт он сном и, протекая внутрь
четвёртой мглой, сочится через поры,
чтобы её над светом развернуть.

Спускаясь в женщину, он чувствует её
смолу, что обжигает каплю кожи,
которую он ей преподаёт,
чтобы она вернула ему позже

вот эту ночь морскую, как звезда
и восьмеричную, как все пути обратно.
Ты понимаешь это? – если да, тогда
не двигайся, смотри – здесь всё не ладно:

здесь женщина, в которой спит Орфей,
не возвращается, поскольку не уходит,
но вышивает лишь мужчину на себе,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.